

О СОДЕРЖАНИИ КУРСА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И МЕСТЕ ПРЕДМЕТА В ОСНОВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ БАКАЛАВРИАТА

Дается критический анализ содержания курса экономической теории, базовой основой которого является неоклассическое направление. Обосновывается целесообразность при формировании современного курса использования научного знания смежных с экономической теорией дисциплин: экономической социологии, институционализма, политической экономии как важнейшей методологической основы экономической науки в целом. Обращается внимание на конкретные проблемы разработки рабочих программ курса в соответствии с ФГОС.

Ключевые слова: объект науки; предмет науки; постулаты; междисциплинарность.

Заметной тенденцией последнего периода является разнонаправленное движение научной экономической мысли и изменений в учебных программах подготовки специалистов экономической направленности. С одной стороны, всё более активно обсуждаются вопросы, касающиеся содержания предмета экономической теории, почти полностью представленного в настоящее время в системе бакалавриата вузов курсом экономикс, и политической экономии – науки, ещё совсем недавно казавшейся безнадежно отставшей от потребностей времени и ушедшей в прошлое. Причём высказывается неудовлетворенность программой курса, базирующейся на предлагаемых стандартах (ФГОС), существенно ограничивающих предмет изучения лишь рыночной проблематикой. Некоторые авторы говорят о целесообразности возврата к основополагающим принципам и методологии политической экономии, позволяющей выявлять пути развития, имеющей намного более объемное и содержательное проблемное поле. С другой стороны, одновременно в вузах идёт интенсивная работа по составлению программ на основе уточнённых ФГОС, в основе которых лежит принцип компетентностного подхода и экономикс как базовой основы современной экономической теории.

По истечении уже почти двадцатилетнего срока преподавания курса, стержнем которого является неоклассическое направление, возникает реальная возможность оценить значимость и степень научности этого предмета, в том числе с точки зрения задач развития российского общества. Нельзя отрицать того, что политическая экономия, в части, базирующейся на догматически понятых марксистских положениях, не могла дать ключ к познанию современной действительности, но это в значительной степени относится и к содержанию «мэйнстрим», верному ряду своих основополагающих постулатов. Символично, что совсем недавно, в ноябре 2011 г., несколько десятков студентов Гарвардского университета отказались слушать вводный курс по экономической теории одного из известнейших специалистов в этой области профессора Г. Мэнкью. Суть претензий состояла в том, что его лекции, ограниченные принципами неоклассического анализа, не могут дать необходимые знания для практической деятельности в сфере управления, публичной политике, в решении проблем окружающей среды и других сферах деятельности [1]. Действительно, неоклассическое ядро экономической теории представляет собой логически стройную и по-своему мощную,

но в то же время абстрактную модель, которая описывает частный случай реального человеческого поведения. На этом, в частности, настаивают представители экономической социологии как одного из направлений, по сути, междисциплинарной науки. В центре экономикс – человек, рационально мыслящий и действующий, а в основе такого поведения лежит стремление к частной выгоде. Эти качества заложены в природе человека, но не только они. Не отрицая значимости рациональных, эгоистических устремлений Homo economicus, социологи подчеркивают важность подхода к изучению человека в его, казалось бы, нелогичных проявлениях, в основе которых лежат потребности и мотивы за пределами его рационализма. Об этом писали ещё классики социологии О. Конт и Э. Дюркгейм.

В работах представителей исторической школы Г. Шмоллера и В. Зомбарта главное внимание для выявления закономерностей функционирования социальной системы предлагалось уделять исследованию реальных исторических тенденций, что полностью противоречит принципам неоклассики, изучающей рынок как самодостаточную систему. Резкие критические замечания в адрес неоклассической традиции в экономической теории высказывал основоположник институционального направления Т. Веблен. Он обращал внимание на то, что теория предельной полезности, в частности, носит совершенно статический характер, в ней никак не учитывается движение, несмотря на то что в теории предельной производительности, по сути, связанной с теорией предельной полезности, есть попытка рассматривать динамику. Не может быть опровергнута идея Т. Веблена об отсутствии динамического подхода в экономикс и тем, что в теории макроэкономического равновесия рассматривается равновесная динамика. Неоклассическая теория в целом построена «не в терминах причинно-следственных связей, а в терминах телеологии» [2. С. 86]. В одном из наиболее популярных и изданном массовым тиражом у нас учебнике К. Макконнелла и С. Брю анализу закономерностей развития общества уделяется не более двух страниц. Так, в разделе «Введение в экономикс» лишь называются, но никак не раскрываются основные отличительные особенности рыночной экономики, традиционной, командной и смешанной экономики, критерии разграничения данных экономических систем.

Принципиальная несовместимость политической экономии и неоклассики часто связывается уже с самим пониманием предмета той и другой науки. Если в

политической экономии – это производственные отношения между людьми, складывающиеся по поводу производства, распределения, обмена и потребления экономических благ, то в современной экономической теории предмет изучения всегда связывается с поведением экономического субъекта, проблемой выбора целей и средств их достижения, уровнем эффективности производства, т.е. реальными и конкретными экономическими проблемами. С нашей точки зрения, эти две ветви науки обращают внимание на разные аспекты одного и того же явления – хозяйственной деятельности человека. Деятельность экономических субъектов есть следствие проявления их активной сущности, это то, что мы можем реально наблюдать и что можем рассматривать в качестве объекта экономической теории. Именно деятельность по созданию экономических благ, а не производство как процесс создания материального блага в ходе воздействия работником на предмет труда, следует рассматривать как объект экономической теории (как это формулировалось в стандартных учебниках социалистического периода). Можно вспомнить также о том, что в марксистской теории труд рассматривается как целесообразная деятельность человека. Это отвечает и тенденции развития междисциплинарных исследований на современном этапе, позволяет найти точки соприкосновения, в частности, с социологией. Тогда производственные отношения, как выражение сущности хозяйственной деятельности, имеет смысл рассматривать в качестве предмета экономической науки, а их конкретными формами считать те проблемы и отношения, которые возникают в процессе хозяйственной деятельности. Ведь любая возникшая экономическая проблема есть выражение каких-либо экономических интересов.

Имея в виду, что в центре науки будущего должен быть человек с его интересами, потребностями, различными формами активных действий, такой подход представляется весьма целесообразным. О необходимости использования знания разных школ экономической науки, восстановления интеллектуальной традиции анализа речь шла, в частности, на одной из последних конференций, посвященных проблеме места политической экономии в современной науке [3]. Речь в данном случае должна идти о формировании новой парадигмы науки как политической экономии человека, в которой он выступает как главный фактор общественного прогресса.

В качестве важной методологической предпосылки, позволяющей представлять исследуемый и изучаемый предмет более глубоко и объемно, чем это делает современная экономическая теория в лице неоклассики, следует рассматривать многослойность системы производственных отношений, включающей внешние, поверхностные и глубинные отношения. Несмотря на известную долю предвзятости по отношению к экономикс, в трудах советских политэкономов содержалось верное положение об особенностях подхода западных ученых к анализу экономических явлений: изучение поверхностных взаимосвязей, форм проявления, игнорирование сущности, причинно-следственных зависимостей. Однако выводы о полной ненаучности такого подхода были неверны, так как экономическая наука

может и должна исследовать как сущностные, так и поверхностные отношения. Непреходящее методологическое значение, с нашей точки зрения, для такого исследования имеет марксистская теория превращенных форм, представляющая систему производственных отношений как сложное многоуровневое образование. Производственное отношение в этой связи можно рассматривать как единство содержания и формы, которые находятся в диалектическом единстве, причем форма может отчасти искажать содержание, затушевывая его сущностное выражение. Блестящее применение такой методологии дано в «Капитале», где раскрыты сущность и взаимосвязи таких категорий, как стоимость рабочей силы и заработная плата, прибавочная стоимость и прибыль, стоимость товара и цена производства и др.

Важным принципом методологии исследования экономической жизни общества должен быть объектно-субъектный подход, в соответствии с которым человек не является пассивным отражателем объективной реальности, но способен к осмыслению происходящих процессов и воздействию на них. Это особенно важно иметь в виду, раскрывая природу и механизм действия экономических законов (принципов, как принято говорить в экономикс). Так как экономические законы формируются в процессе хозяйственной деятельности экономических субъектов, они являются законами общественных действий людей в экономической сфере, представляют собой своеобразную результирующую разнонаправленных устремлений, массового экономического поведения.

Излюбленными методами исследования неоклассической школы и экономикс в целом являются такие методы, как дедукция, позитивный и нормативный, системно-функциональный анализ. Применение метода восхождения от общего к частному означает строгое следование основным постулатам, сформировавшимся ещё в 1930-х гг. и имеющим значение априорных предпосылок. Большое значение для популяризации соответствующих идей имело развернутое их обоснование в трудах Л. Робинса в 1930–1940 гг., поскольку они оказались «сильным фактором внушения специфической манеры мышления» [3. С. 82]. Парадигма неоклассики включает «жесткое ядро» и «защитную оболочку», сконструированные в зависимости от степени важности постулата [4. С. 26]. «Жесткое ядро» образуют три следующих утверждения: равновесие на рынке существует всегда и совпадает с оптимумом по Парето; индивиды осуществляют выбор рационально; предпочтения индивидов стабильны и носят экзогенный характер. Эти постулаты должны оставаться, в соответствии с идеологией экономикс, неизменными в любой модели исследования. «Защитная оболочка» неоклассики включает элементы, которые в настоящее время в той или иной степени пересматриваются, в частности, в рамках институциональной экономики. Однако эти положения преподносятся как аксиомы в стандартном курсе экономической теории: частная собственность на ресурсы является абсолютной предпосылкой осуществления обмена; издержки на получение информации отсутствуют и индивиды обладают всем необходимым объемом информации о сделке;

пределы экономического обмена определяются принципом убывающей полезности, отсутствуют издержки обмена, поэтому существуют только производственные издержки.

Хорошо известно, что уже на протяжении многих десятилетий названные постулаты подвергаются критике представителями как самой экономической науки, так и смежных с ней дисциплин. Ещё в 1950-е гг. прошлого столетия классики экономической социологии Т. Парсонс и Н. Смелсер обращали внимание на мощные разделяющие факторы, направленные на изолирование родственных дисциплин друг от друга, и говорили о том, что этот разрыв нужно преодолевать. «Если экономическая теория хочет сохранить свои позиции, развивать теоретические наработки своей влиятельной традиции и при этом достичь большей эмпирической определенности, она должна выйти за рамки привычного спектра своих теоретических интересов и ресурсов. И соответственно, если социология, социальная антропология и социальная психология намерены выработать развернутые теории, им следует воспользоваться моделью, которая уже упорядочила чрезвычайно широкий спектр факторов человеческого поведения и во многих случаях имеет к ним самое непосредственное отношение» [5. С. 107]. Однако и по прошествии более полувека названные постулаты остаются определяющими в анализе рыночных процессов. Последовательное применение методологии экономикс во всех её разделах превратило эту ветвь науки в описательную, наполненную многочисленными тавтологиями, не способную исследовать причинно-следственные взаимосвязи. Вот чем ещё летом 2000 г. были недовольны французские студенты старших курсов, опубликовавшие открытое письмо в газете «Монд»: «Из множества существующих подходов к экономическим проблемам нам, как правило, дается только один. Этот подход претендует на то, чтобы объяснить все чисто аксиоматическими средствами, так, как будто это является истиной в последней инстанции. Мы не принимаем догматизм. Мы хотим плюрализма подходов, адекватного многообразию и сложности объектов и неоднозначности решений, характерных для больших проблем экономики» [1. С. 80].

Неслучайно наиболее продвинутым направлением развития экономической теории в двадцатом веке стал институционализм, претендующий, в том числе, на статус общей методологии экономических исследований. С нашей точки зрения, ценность институциональной теории в деле развития экономической науки, если, конечно, ее не связывать неразрывно опять-таки с постулатами экономикс, заключается прежде всего в том, что она является средством операционализации системы производственных отношений. Схоластичность политической экономии, конструируемой советскими политэкономистами, была связана, в частности, с тем, что не были найдены категории и величины, посредством которых производственные отношения приобрели бы зримый образ, нашли адекватные формы своего выражения. Институты, как центральное понятие институционализма, под которыми подразумеваются правила и нормы поведения экономических субъектов, структурирующие их взаимодействия, служащие своеобраз-

ными ограничительными рамками поведения, наилучшим образом подходят для выполнения такой функции. Отсюда следует, что смычка экономической теории и институционализма вполне назрела, и для этого имеет-ся реальная база.

Использование научного знания экономикс, политической экономии, институциональной экономики может быть весьма полезным в преподавании для освоения целого ряда основополагающих вопросов и выяснения сущности важнейших категорий, таких как стоимость, ценность, капитал, прибыль и др. В настоящее время преобладает точка зрения, что эти категории и величины диаметрально противоположны в толковании разных экономических направлений. Однако, по нашему мнению, уже в настоящее время в рамках названных дисциплин есть положения, которые могут удачно дополнять друг друга. Это относится, в частности, к пониманию процесса формирования средней прибыли и цены производства в марксистской теории и к анализу нормальной и экономической прибыли в экономикс, к объяснению понятия потребительной стоимости, полезности и сущности предельных величин. Как дополняющие теории можно рассматривать формационный и цивилизационный подходы к анализу закономерностей общественного прогресса. Современное общество быстро меняет социальное положение людей, поэтому актуальным является изучение социально-экономического положения субъектов производственных отношений, их экономических интересов. Здесь вполне закономерна смычка экономической науки с социологией, а в анализе властных отношений – с институционализмом и другими ветвями гуманитарных наук, исследующих проблему власти. Конечно, современная наука ещё далека от того, чтобы представить необходимый материал для учебных курсов, но научная литература даёт богатую пищу для размышлений по целому ряду проблем.

К сожалению, размышления по поводу возможностей объединения имеющегося знания, сформированного разными экономическими направлениями, идут вразрез с теми стандартами и требованиями, которые в настоящее время предъявляют официальные органы к преподаванию экономической теории в вузе. Так, например, федеральный государственный образовательный стандарт по направлению «Менеджмент в вузе экономической специализации» включает этот предмет в гуманитарный, социальный и экономический циклы, но при этом в их вариативную часть, определяемую самим вузом. В базовой части есть такие предметы, как философия, история, правоведение и, кроме того, по выбору – один из трех предметов: социология, психология, институциональная экономика. Впрочем, это и неудивительно: если ограничивать программу экономической теории (экономики) курсом экономикс, как это сейчас и происходит, то изучение данного предмета не так уж важно, поскольку он действительно не является базовым для профессионального цикла. Он не дает представления о фундаментальных законах развития экономики и социально-экономической системы в целом. Центральные идеи экономикс, в частности проблема рыночного равновесия, равенства выгоды и затрат, преломляются определённым образом в предметах профессионального цикла.

Вызывает удивление и сам принцип возможности выбора предмета из трех разных, взаимосвязанных, но не взаимозаменяемых дисциплин (социологии, психологии, институциональной экономики), на фоне которых экономической теории, вероятно, придается ещё меньшее значение. Такой подход не может сформировать у студента целостного представления не только об обществе в целом, но и об экономике как социально-экономической системе, а даст лишь фрагментарное представление о реальной действительности.

Переход на новые стандарты в системе высшего образования в качестве своей идеологической основы, как представляется, имеет применение так называемого компетентностного подхода, помогающего объединить изучаемые дисциплины для реализации главной цели – обеспечения практической направленности в подготовке современного профессионала в любой области. Сам по себе этот принцип, конечно, не может вызывать возражений, поскольку направлен на приближение учебного процесса и его результатов к реальной действительности, должен сформировать у выпускника вуза способность хорошо ориентироваться в рыночной действительности, социализировать его. Ради справедливости надо сказать, что этот принцип присутствовал и в программах по политической экономии, поскольку всегда ставились задачи дать студенту знания, обучить умению и навыкам. Но можно ли рассчитывать на это, если само содержание преподаваемой науки не даёт ответа на многие актуальные вопросы современной действительности? Приведём в качестве примера компетенции, предлагаемые для направления «Менеджмент» в системе бакалавриата: ПК-26 – способность к экономическому образу мышления; ПК-28 – понимание основных мотивов и механизмов принятия решений органами государственного управления; ПК-29 – способность анализировать поведение потребителей экономических благ и формирование спроса; ПК-30 –

знать экономические основы поведения организаций, иметь представление о различных рыночных структурах рынков и быть способным проводить анализ конкурентной среды отрасли. Что касается двух последних компетенций, предполагающих наличие вполне конкретных представлений о рынке и его субъектах, то они действительно в значительной степени опираются на знание экономики, хотя и ограничиваются информацией о взаимосвязях экономических субъектов на уровне абстрактного видения всех проблем. Первые же две компетенции, на наш взгляд, в принципе не могут быть раскрыты знанием, представленным в экономике. О каком экономическом образе мышления и понимании основных мотивов поведения государства может идти речь, если в содержании изучаемого предмета отсутствует информация о закономерностях развития рыночной экономики, динамике процессов, ресурсах и инструментах экономической власти в современном обществе? Не случайно, наверное, экономическая теория, ограничивающая свой предмет преимущественно знанием «мэйнстрим», включена лишь в вариативную часть программы подготовки бакалавров. В таком виде, как сейчас, с теми дидактическими единицами, которые считаются обязательными, изучение этого предмета для направления «Менеджмент» действительно не так уж важно.

Дальнейшая работа по совершенствованию программ преподавания экономической теории в высшей школе и повышению содержательности самого предмета видится на пути придания фундаментальности этой дисциплине путём обращения к богатому опыту изучения рыночной экономики различными направлениями экономических и социальных наук, формирования знания о сущности явлений, вариативного образа мышления. Многовариантность способов решения современных проблем предполагает широту мышления тех, кто делает этот выбор, выход за пределы узкого кругозора абстрактной модели рынка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Московский А.* Почему студенты Гарварда против лекций Г. Мэнкью? // *Экономист*. 2012. № 1. С. 75–82.
2. *Веблен Т.* Ограниченность теории предельной полезности // *Вопросы экономики*. 2007. № 7. С. 86–98.
3. Проблемы политической экономии (о научной конференции «Есть ли место политической экономии в современной экономической науке») // *Вопросы экономики*. 2011. № 8. С. 151–155.
4. *Олейник А.* Институциональная экономика. М. : ИНФРА-М, 2000. 415 с.
5. *Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики*. М. : РОССПЭН, 2004. 674 с.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 14 марта 2013 г.